

Предисловие автора

История этой книги — это драматическая хроника «самосбывающегося пророчества», как характеризовал подобные явления теоретик постпозитивизма Роберт Мертон. Начавшая складываться из серии интервью иранскому журналисту Парвизу Немати, записанных для русскоязычной версии радио «Голос Ирана», она постепенно превратилась в своего рода «книгу-предупреждение». Именно так определил её профессор ЮФУ Виктор Черноус в своём послесловии к самому первому изданию: «Хочется верить, что в мрачных прогнозах автор ошибается. Но это произойдёт в том случае, если его голос вовремя будет услышан, в том числе и нынешней властью».

Прогнозы, высказанные в многочисленных беседах с иранским журналистом и посвящённые событиям на Ближнем Востоке в 2011 году — в самый разгар событий в Ливии, в момент принятия резолюции № 1973, самым жутким образом сбывались на наших глазах. Поэтому уже подготовленные для включения в книгу тексты приходилось переделывать, переписывая авангардные прогнозы и весьма мрачные предупреждения в некую хронику состоявшегося крушения. Крушения не только ливийской государственности, преданной как западными лидерами, навязывавшимися в друзья неистовому полковнику Муаммару Каддафи, так и Россией, находившейся в тот период в состоянии лёгкого внешнеполитического анабиоза, — но и самой российской внешней политики.

Отсюда неприкрытая неприязнь и жёсткая критика в отношении действующего на тот момент президента Дмитрия Медведева.

Первое издание, пережившее, впрочем, ещё три переиздания, даже открывалось эпиграфом — цитатой философа и геополитика Александра Дугина: «Я вообще убеждён, что президентство Дмитрия Медведева в российском обществе будет воспринято как полный провал. Он вёл себя непоследовательно и никакого реального влияния на политику, будучи президентом, не оказывал. Он обогрил свои руки кровью Каддафи и провалил выборы в Государственную Думу, возглавив партию, после чего люди просто отказались за неё голосовать». Это после, спустя годы, всё как бы ушло в прошлое, притупились эмоциональные оценки, забылось плохое. Но тогда ошибки и просчёты российской внешней политики воспринимались как драма — болезненно и очень остро.

Констатации, в которые превращались ещё недавние прогнозы, впрочем, перемежались некоторыми поясняющими выкладками из теории «международных» отношений и только-только разработанной на Социологическом факультете МГУ под руководством профессора Дугина Теории многополярного мира. Это сейчас о многополярности и её неизбежности говорят на федеральных каналах и во властных кругах. А тогда, когда Россия, получившая в качестве компенсации пластмассовую кнопку PEREGRUZKA, продолжала, как и во времена кровавого Ельцина, сдавать свои внешнеполитические интересы, любые упоминания многополярной альтернативы воспринимались, действительно, весьма авангардно. Если не сказать — экстравагантно.

Описание внешнеполитической катастрофы, констатация американского наступления на Ближнем Востоке,

беспомощность России в сфере обороны и обеспечения собственной безопасности, а также дальнейшие неутешительные прогнозы — всё это выглядело настолько тревожно, что — сейчас уже можно об этом писать — изначально заказавшее эту книгу московское издательство отказалось её издавать. То же произошло и со вторым, более крупным, но тем не менее региональным издательством. В тяжбах и переписках прошёл год, и события, которые предсказывались в книге в качестве вероятных вариантов развития, уже произошли. Книга требовала серьёзной переработки, необходимо было дописать большие фрагменты, дополнить её новыми, только произошедшими событиями, а сил на это уже не было.

Вновь вернуться, казалось бы, к уже полностью сбывшейся в плане прогнозов книге заставил случай. Совместная поездка с писателем Николаем Стариковым на Урал в рамках делегации патриотического Изборского клуба, где в ходе разговора о книгах Николай Викторович посоветовал обратиться в издательство «Питер» и даже осуществил первоначальную протекцию. Это новое обстоятельство заставило ещё раз довольно быстро переработать имеющийся материал и уже в обновлённой версии отправить его в издательство — где книга в итоге вышла осенью 2013 года. Без ложной скромности можно отметить, что первый тираж был продан достаточно быстро и к лету допечатали второй, затем третий и четвёртый.

Как и предсказывал профессор Черноус в своём послесловии к первому изданию, книга не осталась незамеченной. И не только в плане многочисленных рецензий и внимания покупателей, но также в плане изменений в области российской внешней политики и что самое главное — в вопросах безопасности. Конечно, всё это, возможно, просто совпадение (скорее всего, так оно

и есть), но российская армия начала стремительное перевооружение, президентом вновь стал Владимир Путин, а Россия вернулась на внешнеполитическую арену.

Собранная наспех, много раз переработанная и отредактированная, написанная в достаточно экзальтированной форме, изобилующая гиперболами, передержками и эмоциональными оценками книга тем не менее пусть даже в довольно истеричной местами форме указывала на слабые места, ошибки и просчёты в области внешней политики эпохи медведевского президентства. Красной нитью через всё повествование проходила главная мысль: слабый провоцирует сильного на агрессию. Не наступая нельзя удержать то, что есть. А отступление России по всем фронтам не умиротворяет агрессора, но лишь приближает войну, к которой мы к тому же были не готовы.

Главным же просчётом эпохи президента Медведева называлось принятие Россией резолюции № 1973 и фактическая сдача Муаммара Каддафи. Вывод, который был сделан из этой ситуации: если не остановить американские террористические сети на дальних подступах, в частности в Сирии, то очень скоро они будут у наших границ, а потом и в самой России. Это сейчас то, что США являются рассадником терроризма, ни для кого не секрет. А в 2011–2012 годах, да к тому же при президентстве либерала Медведева этот тезис звучал весьма скандально. Как это так? США ведь борются с терроризмом — и в Афганистане, и в Ираке, и вот в Ливии. А сейчас готовятся побороться с ним в Сирии.

В качестве панацеи от интервенции американского терроризма в Россию в книге предлагалось несколько мер: оперативная — начать операцию против террористических сетей на дальних подступах, в частности в Сирии; долгосрочная — начать процесс формирования многопо-

лярной системы мироустройства, где не один, а несколько цивилизационных полюсов на основе консенсуса будут определять судьбы народов мира. Такая модель является более безопасной и справедливой. Соединённые Штаты в многополярном мире станут не *единственным*, но *одним из* цивилизационных полюсов. Можно утверждать, что всё и так произошло бы подобным образом. Россия, само собой, начала бы стремительное перевооружение своей армии, а новый-старый президент Владимир Путин сам готов был начать операцию российских ВКС в Сирии. Пусть так, и слава Богу.

Предлагаемая книга в своём изначальном виде представляла собой общие наброски, своего рода черновик сильной геополитики, решительного продвижения России по пути к своему возвращению на мировую арену, неизбежного становления многополярного мира — всего того, что в тот момент казалось невозможным и невероятным. Отсюда масса пессимистических пассажей в её черновом варианте, нескрываемое разочарование и обильная критика действующей российской власти за слабость, несостоятельность и безволие. Стоит ли пояснять, что всего этого нет в нынешнем варианте книги, которую уважаемый читатель держит в руках. Может быть, поэтому она стала намного короче, легче и оптимистичнее. Ещё бы, ведь Россия реализовала тезисы сильной внешней политики в «чистовом» варианте — начала упреждающую операцию по борьбе с терроризмом на дальних подступах, полностью переоснастила армию новейшим вооружением и активно отстаивает не только свои внешнеполитические интересы, но и интересы грядущего многополярного мира.

И надо ли говорить о том, что нет большего счастья для автора данных строк, чем суверенная, сильная Вели-

кая Россия, отстаивающая повсюду принципы глобальной безопасности и справедливости? А мрачные прогнозы... Они остались. Но только в виде художественного вступления и преисполненного драматизмом послесловия — как назидание о том, перед какой пропастью мы стояли и чего нам пока удалось избежать. Однако это не значит, что слабость, распад и помешательство не могут вернуться. Воля и ум — вот что стоит на пути их возвращения, и пусть трагизм литературного финала и описанная в нём вакханалия распада останется последним напоминанием о тёмных временах. Геополитика сильной России теперь пишется начисто, и этого уже не отменить.

Удар по России

«Гул моторов разбудил утреннее небо Москвы». Обычно так начинаются литературные повествования о начале бомбардировок. Но только не сейчас. Никакого гула не было, всё произошло куда более прозаично. Несколько взрывов прогремело где-то за пределами Москвы, скорее в Подмосковье. Потом ещё серия через полчаса, взрывов семь или восемь, как раскаты грома, пронесли над спящей Москвой. Потом затишье, но уже стало совершенно понятно, что «что-то происходит». Что-то гораздо более серьёзное, нежели пожар на вещевом рынке, возгорание торфяников или даже падение авиалайнера на взлёте около одного из московских аэропортов. Сознание отказывалось верить в произнесённое телевизионным диктором, который и сам, похоже, не верил в то, что говорил. «Сегодня в 6:45 утра американская авиация нанесла несколько ракетных ударов по комплексам противовоздушной обороны и пусковым установкам стратегических ядерных сил России. Около семи утра было поражено ещё несколько объектов российской ПВО, в том числе в районе посёлка Северный в подмосковном Хотьково. Как заявил официальный представитель Пентагона, серия ударов по объектам российской противовоздушной обороны была также нанесена около семи часов утра близ белорусско-польской границы. По его словам, “на данный момент военно-воздушным силам США ничего не угрожает”. Несколько элементов, расположенных вокруг Москвы и вызывавших опасение командования,

не более чем через полчаса были подавлены натовской авиацией». Произнеся это, диктор невольно оглянулся, как будто пытался удостовериться, что всё это происходит — и действительно именно с ним.

Другой канал транслировал интервью с сопредседателем вневедомственного экспертного совета по воздушно-космической обороне (ВКО), который в подробностях перечислял технические ошибки функционирования российской ПВО, что и привело к уязвимости. Ведущая программы несколько рассеянно глядела куда-то в сторону от собеседника. Эксперт замолчал, закончив фразу. Возникла пауза. По идее, нужно было задать какой-то вопрос, но интервьюерша лишь пошевелила губами, продолжая смотреть куда-то мимо. Эксперт продолжил, как будто вспомнив: «...ну и новая система противоракетной обороны Москвы должна была быть создана на базе установки С-500. Она должна была полностью заменить существующую систему ПРО вокруг Москвы». Сказав это, он вновь предательски замолчал. «Но сейчас, — вдруг как будто очнулась ведущая, — сейчас у нас есть что-то? Почему не отвечает наша ПВО?» «Сейчас наша ПВО — это элементы ЕвроПРО, — продолжил эксперт, — мы не предложили свои системы, просто не успели довести их разработку до нужной кондиции, поэтому в качестве своего вклада в ЕвроПРО мы предоставили лишь свою территорию. Ну, а почему она не отвечает... — конструктор сделал паузу. — Видимо, потому что НАТО — это в том числе и европейский военный альянс».

Выпуски новостей сменяли друг друга, как будто соревнуясь, хотя большинство каналов продолжало вещать в обычной сетке, транслируя развлекательные передачи и сериалы как ни в чём не бывало. «Страны — члены НАТО и другие государства — партнёры по междуна-

родной коалиции выдвинули перед президентом России условия прекращения бомбардировок, отмечается в заявлении, принятом в четверг на совещании глав МИД стран альянса в Берлине», — начался очередной новостной выпуск. Постепенно складывалась картина происходящего, как-то уж больно напоминавшая то, что уже приходилось наблюдать где-то далеко, в бывшей Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, а затем в Иране. И вот теперь в России, прямо здесь, в Москве, всё разворачивалось абсолютно так же. Оказывается, и это теперь не скрывали натовские генералы, перед началом операции была проведена тщательнейшая разведка наших стационарных систем вооружения, в первую очередь ракетных войск стратегического назначения (РВСН), пунктов управления, узлов связи средств разведки и их возможное огневое и радиоэлектронное поражение в самом начале боевых действий. Собственно, реализовано было уже не только радиоэлектронное, но и огневое поражение. Системы ПВО у границ России были уничтожены американскими самолётами прорыва F-16CJ Wild Weasel, предназначенными для подавления противовоздушной обороны, ещё в первые минуты операции.

Теперь уже стало понятно (об этом говорилось как о чём-то само собой разумеющемся), что комплексы ПВО в том виде, в каком они поставлялись в армию вплоть до последнего момента, в принципе не могли обнаруживать низколетящие маневрирующие цели. Оказывается, как пояснил эксперт Министерства обороны в эфире одной из радиостанций, и радиолокаторы самолётов не могли обнаружить цели на фоне естественных и искусственных помех, из-за чего поднятая по тревоге авиация не смогла осуществить ни одного прицельного залпа. «Радиолокаторы самолётов, что состояли у нас на вооружении,

с большим трудом обнаруживали цели, при этом на незначительном расстоянии и только в том случае, если цель перемещалась с небольшой скоростью. Но так как цели совершали манёвры относительно перехватчика, то радиолокаторы наших самолётов не смогли их обнаружить». «То есть вы хотите сказать, что наша авиация в принципе была не способна отразить атаку натовских самолётов и ракет “Томагавк”? — с нескрываемым раздражением в голосе спросил ведущий в студии. — И это наша хваленая авиация, которая называлась одной из лучших в мире?» «Да нет, сами самолёты здесь ни при чём», — начал было отвечать эксперт... «А что при чём?» — сорвался ведущий.

Как сообщали СМИ, «из-за недостатков комплексов перехвата самолётов МиГ-31 все поднявшиеся в воздух самолёты были безнаказанно уничтожены натовскими F-14», из чего тут же был сделан неутешительный вывод, что самолёт МиГ-31 вообще не может противостоять «Фантому» и уничтожается сразу и бесконтактно. Одно откровение следовало за другим. Выяснялось, что и зенитчики оказались в ситуации полного бессилия. Заместитель командующего войсками оперативно-стратегического командования Воздушно-космической обороны пытался как-то оправдаться: «Все российские зенитные комплексы, оборудованные отечественной аппаратурой радиоэлектронного противодействия, не смогли обнаружить и уничтожить атакующие цели». Хотелось спросить этого человека, почему же это конструктивное и технологическое бессилие, со всей наглядностью продемонстрированное в военных конфликтах ещё в Ираке и Югославии, где использовались те же самые зенитные комплексы, не заставило полностью отказаться от них? Но и на это у высокого военного начальника нашёлся

ответ. Выяснялось, что при проведении государственных испытаний данных комплексов систематически осуществлялась фальсификация показателей, подтасовка фактов и данных.

Москва же, к удивлению российских военных, продолжала подвергаться «точечным бомбардировкам», сделавшись совершенно беззащитной. Информация о лежащем в руинах «противовоздушном щите» столицы оказалась государственной тайной исключительно для самих военных, которые только сейчас заговорили о том, что система ПВО вокруг Москвы несовершенна, что в ней используются два типа ракет, «один из которых давно практически небоеспособен». «Что касается второго типа ракет, — с увлечением рассказывал какой-то полковник, — то у них боевые части хранились отдельно от самих ракет. Соответственно, время их снаряжения оказалось неадекватно времени полёта средств нападения противника».

Все ждали заявлений официальных лиц. Как-то синхронно по всем каналам одновременно вдруг началось включение из резиденции в Ново-Огарёво. За столом сидел президент, как-то вполоборота, будто рассказывая кому-то слева от себя между делом: «Впрочем, сейчас непосредственной угрозы нанесения целенаправленного ядерного удара по Москве не существует». Он вдруг как будто только заметил присутствие камер у себя в кабинете, с недоверием повернул голову в их сторону, но тут же вновь продолжил, обращаясь к кому-то слева: «Мы не станем применять ядерное оружие, так как это будет неадекватно текущей ситуации. Так мы считаем...» — как-то с грустью завершил президент. Трансляция прервалась так же резко, как и началась. Из сказанного, да ещё в такой странной манере, было совершенно непонятно,

осознаёт ли руководство страны серьёзность происходящего, готовит ли какие-то ответные меры. Вопросов стало ещё больше, чем было до «включения».

Как будто в подтверждение слов о том, что «сейчас непосредственной угрозы нанесения ядерного удара по Москве не существует», начался сюжет, в котором рассказывалось, как журналисты побывали на заброшенном подмосковном объекте ПВО. В кадре появились разрушенные ангары и портреты членов Политбюро ЦК КПСС. «Ранее СМИ уже писали, что многие объекты советской системы противовоздушной обороны Москвы давно недееспособны. Если раньше некоторых объектов не было ни на одной карте, то теперь их нет и в действительности, тут руины, — комментировал корреспондент “Вестей” транслируемую картинку. — Мы побывали на одном из таких объектов — в районе так называемой большой бетонки». Камера беспристрастно передавала свидетельства упущений на фоне закадрового текста репортёра. «В глубине — система тамбуров, висят инструкции, при каких видах заражения какую дезинфекцию надо пройти. Герметичные двери уже растащили, и запутанная система комнат выводит в такой же огромный ангар на другой стороне холма», — продолжал корреспондент. Проводник заводит журналистов в ангар, где располагалась канцелярия. «Судя по газетам и записям, жизнь тут замерла в 80-х годах прошлого века. В комнате отдыха до сих пор висит портрет Ленина и стоит телевизор “Рубин”. О том, что это не простые развалины, напоминает только тот факт, что вблизи этих мест до сих пор не было разрешено строительство».

Собственно, сами ракетно-бомбовые удары, как казалось, начали происходить по нарастающей. Телевидение всё ещё работало, хотя все помнили о том, что

и в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и Иране вещательные станции и телестудии становились мишенями одними из первых. Видимо, в том, что телевизионное вещание всё ещё продолжалось, была какая-то логика, все ждали чего-то главного, сообщения или сюжета. Но эфир был заполнен лишь свидетельствами поразительной беспечности. Вспомнилось всё. И то, что США на протяжении последних как минимум десяти лет усиливали ПРО возле восточных рубежей России, и то, что самый большой американский радар морского базирования был перенесён на Алеутские острова в Беринговом море, поближе к Камчатке, хотя ранее он располагался на базе Пёрл-Харбор на Гавайях. Напомнили и то, что система такого типа способна отслеживать и распознавать в космосе даже небольшие объекты — и потому сейчас наша система спутникового контроля выведена из строя. Сюда же, в копилку стремительного американского военного успеха, видимо, следовало теперь уже отнести и пусковые установки антиракет в Польше, радарную станцию в Чехии, покрывшую Белоруссию и Украину и сделавшую бессмысленным ответный ракетный удар. По крайней мере именно этим можно было хоть как-то объяснить то, что спустя сутки после начала натовской атаки ответного удара так и не последовало.

Объекты американской ПРО в Западной Европе, на Дальнем Востоке, радиолокационные системы на Алеутских островах, в Калифорнии и на Аляске, в Великобритании, Гренландии и на острове Хонсю в Японии — сознание отключалось уже только от одного перечисления. Хотелось кричать, выть от боли, от злобы, от безысходности.

«...16 крейсеров и эсминцев, оснащённых противоракетами СН-3, в Тихом океане и Средиземном море.